

СОДЕРЖАНИЕ

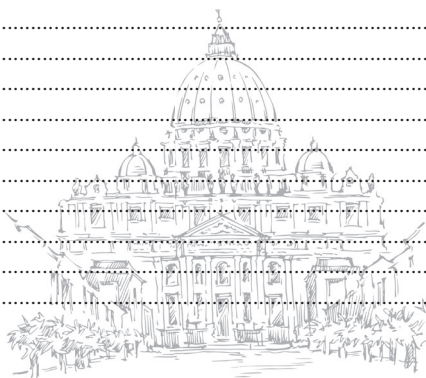
Письмо 1.....	6
Письмо 2.....	7
Письмо 3.....	8
Письмо 4.....	10
Письмо 5.....	12
Письмо 6.....	14
Письмо 7.....	16
Письмо 8.....	18
Письмо 9.....	21
Письмо 10.....	25
Письмо 12.....	27
Письмо 15.....	29
Письмо 16.....	32
Письмо 17.....	34
Письмо 18.....	37
Письмо 22.....	40
Письмо 23.....	43
Письмо 24.....	45
Письмо 25.....	51
Письмо 26.....	53
Письмо 28.....	55
Письмо 29.....	57
Письмо 30.....	59
Письмо 31.....	63
Письмо 32.....	65
Письмо 33.....	67
Письмо 36.....	69

Письмо 37.	72
Письмо 40.	73
Письмо 41.	76
Письмо 43.	78
Письмо 44.	79
Письмо 45.	80
Письмо 47.	83
Письмо 50.	87
Письмо 51.	89
Письмо 53.	92
Письмо 54.	95
Письмо 55.	96
Письмо 56.	99
Письмо 59.	102
Письмо 60.	106
Письмо 61.	107
Письмо 63.	108
Письмо 64.	111
Письмо 65.	113
Письмо 67.	118
Письмо 69.	121
Письмо 70.	122
Письмо 72.	127
Письмо 73.	130
Письмо 74.	133
Письмо 77.	140
Письмо 78.	145
Письмо 80.	151
Письмо 82.	153

Письмо 83.....	159
Письмо 84.....	165
Письмо 86.....	168
Письмо 87.....	172
Письмо 88.....	181
Письмо 89.....	190
Письмо 90.....	196
Письмо 91.....	207
Письмо 93.....	212
Письмо 96.....	214
Письмо 98.....	215
Письмо 99.....	219
Письмо 101.....	226
Письмо 102.....	229
Письмо 103.....	236
Письмо 105.....	237
Письмо 107.....	238
Письмо 109.....	241
Письмо 112.....	244
Письмо 114.....	245
Письмо 115.....	252
Письмо 116.....	256
Письмо 118.....	258
Письмо 119.....	262
Письмо 121.....	265
Письмо 122.....	270
Письмо 123.....	275
Письмо 124.....	279

честить их?» — Вот что следует выучить и даже заучить. Философия не должна поставлять оправдания для пороков. Нечего и надеяться на выздоровление тому больному, которого врач поощряет к неумеренности. Будь здоров.

ПИСЬМО 124.

СЕНЕКА ПРИВЕТСТВУЕТ, ЛУЦИЛЛИЯ!

*Много могу передать старинных
тебе наставлений,
Если ты прочь не бежишь и забот
не чуждаешься мелких.*

Ты-то прочь не бежишь, и никакие тонкости тебя не отталкивают, вкус твой слишком тонок, чтобы заниматься только самым большим. А так как я одобряю твое обыкновение все мерить пользой и знаю, что ты терпеть не можешь одного — чтобы величайшая тонкость ни к чему не вела, — то постараюсь и сейчас не допустить этого.

Вопрос таков: чувством или рассудком постигается благо? С ним связано и утверждение, что в бессловесных животных и младенцах нет блага. Кто ставит выше всего наслаждение, те считают благо чувственным; мы же, приписывающие благо душе, — умопостигаемым. Если бы о благе судили чувства, мы бы не отвергали никаких наслаждений: ведь все они заманчивы, все приятны, — и наоборот, не шли бы добровольно на страдание, потому что всякое страдание мучительно для чувств. Далее, не заслуживали бы упрека слишком уж приверженные наслаждениям и больше всего боящиеся боли. Мы же порицаем предающихся обжорству и похоти и презираем тех, кто из боязни боли ни на что не отваживаются и теря-

К
Л
У
Ц
И
Л
Л
И
Ю

ют мужество. Но в чем их грех, если они повинуются чувствам, которым вами же отдано право судить о благе и зле и решать, к чему стремиться, а от чего отказываться. Ведь ясно, что лишь разум властен выносить приговор о жизни, добродетели, о честности, а значит, и о благе и зле. А они поручают судить о самом лучшем самой грубой из наших способностей, так как приговор о благе должно выносить чувство, тупое и близорукое, куда менее проворное у человека, чем у других животных. Что, если кто-нибудь захочет различить мелочи не глазами, а на ощупь? А ведь из всех внешних чувств зрение по своей тонкости и внимательности — самое для этого подходящее, оно позволило бы различить благо и зло. Вот видишь, в каком неведении истины пребывает и как низводит на землю все высоко и божественное тот, кто судит о высшем благе и зле на ощупь.

«Но ведь как всякая наука, всякое искусство должны возникнуть и вырасти из чего-то очевидного, постижимого чувствами, так и начала и основания блаженной жизни — в очевидном и доступном чувствам. И вы сами говорите, что блаженная жизнь берет начало в очевидном». — Мы называем блаженную жизнь, согласную с природой; а что согласно с природой, то видно сразу же и явственно, как и все совершенное. Однако то, что согласно с природой, что дается тотчас после рождения, я называю не благом, а началом блага. Ты же даришь младенчеству высшее благо — наслаждение, чтобы новорожденный начинал с того, к чему приходит зрелый человек. Если бы кто-нибудь сказал, будто плод, скрытый в материнской утробе, неведомого еще пола, не имеющий законченного облика, уже причастен благу, — все ясно увидели бы его заблуждение. А велика ли разница между только что начавшим жить и тем, кто скрыто обременяет материнское чрево? Оба они одинаково созрели для понимания блага и зла, и младенец не больше способен воспринять благо, чем способно дерево или бессловесное животное. А почему нет блага ни в дереве, ни в бессловесном животном? Потому что нет разума. Потому же нет блага и в младенце: ведь и у него разум еще отсутствует. Он придет к благу, только когда войдет в разум.

Есть существа неразумные, есть еще неразумные, есть обладающие разумом, но несовершенным. Ни в одном из них нет блага: его приносит с собою разум. В чем различие между названными мною разрядами? Неразумным благо не достанется никогда; кто неразумен до поры, те не могут покуда и обладать благом; у тех, чей разум несовершенен, блага нет, но может быть. Потому я и говорю, Луциллий: благо пребывает не во всяком теле и не во всяком возрасте; оно так же далеко от младенчества, как последнее от первого, как совершенство от начала; значит, его нет и в нежном, едва крепнушем теле. Как оно могло бы в нем быть? Да не больше, чем в семени! Если ты говоришь: «Мы знаем некое благо и в деревьях и в посевах», — то оно не в первых ростках, только что пробившихся из земли. Есть благо в пшенице — но не в полных млечного сока стеблях, не в мягком колосе, едва выпроставшемся из-под листика; оно возникает только тогда, когда лето довело зерно до положенной спелости. И как все в природе являет свое благо, только созрев до конца, так и благо человека есть лишь в том человеке, чей разум уже достиг совершенства. Что это за благо? Я скажу: это душа свободная и возвышенная, все подчиняющая себе и сама ничему не подчиненная. Такое благо младенчеству недоступно, и детству нельзя на него надеяться, и юности едва ли можно. И хорошо еще, если старости удалось достичь его ценою долгих и упорных стараний. А если это так, значит, благо умопостигаемо.

«Однако ты сам сказал, что есть благо и у дерева и у травы; выходит, благо может быть и у младенца». — Подлинного блага нет ни у дерева, ни у бессловесных животных; их благо нельзя назвать благом в собственном смысле. — «А что же это?» — То, что согласно с природой каждого из них. Благо никак не может выпасть на долю бессловесному животному; благо принадлежит лучшему и более счастливому роду существ. Где нет места разуму, там нет и блага. Есть четыре рода существ: деревья, животные, люди, боги. Последние два обладают разумом, и, значит, они одной природы, а разница между ними та, что боги бессмертны, люди смертны. Благо одних довела до совершенства сама природа, — я имею в виду богов; благо других — то есть

К
Л
У
Ц
И
Л
Л
И
Ю

людей — совершенствуется их усилиями. Остальные существа совершенны в своем роде, а это не есть подлинное совершенство, коль скоро разум в них отсутствует. Только то подлинно совершенно, что совершенно в согласии со всеобщей природой, а всеобщая природа разумна; остальные могут быть совершенны только в своем роде. Значит, у них не может быть и блаженной жизни, и того, что ее создает; создает же блаженную жизнь благо; у бессловесных животных нет того, что создает блаженную жизнь, — следовательно, у бессловесных животных нет блага.

Бессловесное животное чувством постигает настоящее, о прошлом вспоминает тогда, когда встречает нечто напоминающее о нем чувствам: так лошадь вспоминает дорогу, когда подведена к ее началу, в стойле же у нее нет никаких воспоминаний о дороге, даже множество раз пройденной. Третье время — будущее — бессловесным животным недоступно. Как же может показаться совершенной природа тем, кто не знают прошлого? Время составляется из трех частей: прошедшего, настоящего и грядущего. Животным дано только самое краткое и быстро пролетающее — настоящее; воспоминания о прошлом у них редки и вызываются только видимым в настоящий миг. Значит, благо, принадлежащее совершенной природе, не может быть в том, что по природе несовершенно; а не то, если оно есть у существ другой природы, значит, есть оно и у посевов. Я не отрицаю, и у бессловесных животных есть сильное и пылкое влечение ко всему, что кажется согласным с природой, но порывы этого влечения беспорядочны и смутны. Благо же не бывает ни беспорядочным, ни смутным. — «Как так? Неужели движения животных беспорядочны и неуклюжи?» — Я бы сказал, что они двигаются беспорядочно и неуклюже, будь им по природе доступен порядок; а так они двигаются сообразно своей природе. Беспорядочно же то, что могло бы совершиться и по порядку. Беспокойно то, что могло бы быть безмятежным. Порок есть только там, где могла бы быть добродетель. Движения бессловесных животных таковы от природы. Но, чтобы не держать тебя слишком долго, я скажу: и у бессловесного животного бывает некое благо, некая добродетель, некое совершенство, но не благо, добро-

детель и совершенство в безусловном смысле. Они достаются на долю не только существам разумным, которым дано знать, почему, до какой степени и как. Поэтому благо есть только у того, у кого разум.

Но ты спросишь, к чему ведет все это рассуждение, чем оно может быть полезно твоей душе? Я отвечу: оно делает ее и сильнее и пронизательнее и, коль скоро она хочет чем-либо заниматься, не дает отойти от занятий благородных. Оно полезно хотя бы тем, что велит помедлить рвущимся к злу. И еще вот что я скажу: больше всего пользы я принесу тебе, показав, в чем твое благо, отделив тебя от бессловесных животных и поместив рядом с богами. Зачем ты упражняешь и копишь телесные силы? Природа щедрее отпустила их скоту и диким зверям. Зачем ты холишь свою наружность? Что бы ты ни делал, красотою ты уступаешь многим животным. Зачем ты так тщательно укладываешь волосы? Распустишь ли ты их на парфянский лад, соберешь ли узлом, как германцы, будут ли они у тебя торчать, как у скифа, — все равно у любого коня будет грива гуще твоей и у любого льва — красивее твоей. Сколько бы ты ни упражнялся в быстроте ног, все равно не сравнишься с зайцем.

Так не хочешь ли, оставив все, в чем непременно будешь побежден, потому что тратишь силы не на свое дело, вернуться к твоему собственному благу? В чем оно? В том, чтобы исправить и очистить душу, которая соперничала бы с богами и поднялась выше человеческих пределов, видя все для себя только в себе самой. Ты — разумное существо! Что же есть твое благо? Совершенный разум! Призови его к самой высокой цели, чтобы он дорос до нее, насколько может. Считай себя блаженным тогда, когда сам станешь источником всех своих радостей, когда среди всего, что люди похищают, стерегут, чего жаждают, ты не найдешь не только, что бы предпочесть, но и чего бы захотеть. Я дам тебе короткое правило, оно поможет тебе оценить себя и почувствовать, достиг ли ты совершенства. Ты тогда будешь владеть своим благом, когда поймешь, что несчастнее всех счастливы. Будь здоров.